

ГЛАВА 1

Истон

Все кричат.

Если бы не мое состояние шока — и факт того, что я пьян в стельку, — то мне, наверное, удалось бы распознать голоса в этой мешанине, уловить, кому они принадлежат, понять смысл колких слов и злобных обвинений, доносящихся со всех сторон.

Но сейчас все это кажется мне одной бесконечной звуковой волной, симфонией из ненависти, тревоги и страха.

- ...вина твоего сына!
- Черта с два его вина!
- ...подам в суд...
- Истон.

Я сажу, обхватив лицо руками, и потираю глаза огрубевшими от мозолей ладонями.

— ...здесь вообще? ...вас нужно вывести отсюда в наручниках, сукин вы сын... агрессия...

— ...с удовольствием посмотрю на твои попытки... я тебя не боюсь, Каллум Ройал. Я окружной прокурор...

— Помощник окружного прокурора.

— Истон.

Глаза сухие и чешутся. И ко всему прочему, уверен, налиты кровью. Они у меня всегда краснеют, когда я напиваюсь вдрызг.

— Истон.

Кто-то шлепает меня по плечу, и среди общего гула голосов выделяется один. Я вскидываю голову и вижу перед собой свою сводную сестру, в голубых глазах которой застыла тревога.

— Ты сидишь без движения уже три часа подряд. Поговори со мной, — мягким голосом просит Элла. — Дай знать, что с тобой все в порядке.

Все в порядке? Как я могу быть в порядке? Вашу мать, да посмотрите, что сейчас происходит! Мы сидим в частной комнате ожидания главной больницы Бэйвью — Ройалам не приходится ждать в общей приемной реанимации с какими-то там нищесбродами. Где бы мы ни появились, к нам особое отношение. Даже в больницах. Когда в прошлом году Рида, моего старшего брата, пырнули ножом, его мигом отвезли в хирургическое отделение, словно он сам президент, и, естественно, он занял операционный стол вместо кого-то, кто, возможно, нуждался в операции больше него. Но имя Каллума Ройала творит чудеса в этом штате. Да что там в штате — черт, по всей стране! Все знают моего отца. Все боятся его.

— ...привлечь твоего сына к уголовной ответственности...

— Твоя чертова дочь виновата в...

— Истон, — снова доносится до меня настойчивый голос Эллы.

Я игнорирую ее. Сейчас она для меня не существует никто из них: ни Элла, ни папа, ни Джон Райт, ни даже мой младший брат Сойер, которому позволили выйти к нам после того, как наложили ему на висок несколько швов. Тяжелая автомобильная авария, а Сойер отделался лишь царапинами.

В отличие от его брата-близнеца, который...

Который что?

Черт, если бы я сам знал! О состоянии Себастиана ничего не известно с тех самых пор, как мы приехали в больницу. Его окровавленное изломанное тело быстро увезли куда-то на каталке, а его семью загнали в эту комнату, ждать новостей о том, будет ли он жить или умрет.

— Если мой сын не выживет, твоя дочь за это заплатит.

— А ты уверен, что это твой сын?

— Чертов ублюдок!

— А что? Я считаю, всем твоим мальчишкам не помешает сдать тест на ДНК. Может, сейчас и сделаем? Мы как раз в больнице. Возьмем у всех кровь и выясним, кто из них Ройал, а кто — выродок О'Халлорана...

— Папа! ХВАТИТ!

Полный муки голос Хартли вонзается в меня, словно нож. Для меня сейчас не существует никого, кроме нее. Хартли сидит в уголке комнаты на протяжении трех часов. Как и я, она за все это время не произнесла ни слова. До этого мгнове-

ния. И вот она вскакивает на ноги и бросается к своему отцу с пронзительными обвинениями. Глаза полыхают от ярости.

Я не понимаю, что здесь делает Джон Райт. Он терпеть не может свою дочь. Сначала отправил ее в школу-пансион. Потом, когда она вернулась в Бэйвью, не разрешал ей жить дома. Сегодня вечером он кричал на нее, сказал, что она больше не член их семьи, и угрожал, что отошлет ее младшую сестренку.

Но когда машины скорой помощи забрали Хартли, близнецов и их девушку, мистер Райт был первым, кто отправился следом в больницу. Может, он хотел позаботиться о том, чтобы Хартли никому не рассказала, какая он сволочь.

— Зачем ты здесь? — крики Хартли ворвались в мои мысли. — Я не пострадала в аварии! Со мной все нормально! Ты мне не нужен, и я *не хочу*, чтобы ты оставался здесь!

Райт что-то кричит в ответ, но его слова пролетают мимо меня — я слишком занят тем, что наблюдаю за Хартли. С тех пор как ее машина врезалась в «рейндж ровер» близнецов рядом с особняком ее отца, она всем повторяет, что с ней все нормально. Хотя лично мне она этого, конечно, не говорила — Хартли даже ни разу не посмотрела в мою сторону. И мне не за что ее винить.

Это моих рук дело: сегодня я сломал ей жизнь. Из-за меня она села в машину в тот самый момент, когда из-за поворота вылетел автомобиль моих братьев. Не будь она так сильно расстроена, может, успела бы заметить их вовремя. И мо-

жет, Себастиан не был бы... на грани жизни и смерти.

Черт побери! Ну почему никто ничего нам не говорит?

Пусть Хартли и настаивает на том, что не пострадала, да и врачи разделяют это мнение, раз позволили ей прийти в комнату ожидания после обследования, я считаю, у нее неважный вид. Ее слегка шатает. Она тяжело дышит и выглядит бледнее, чем белая стена за ее спиной, от чего ее кожа резко контрастирует с иссиня-черными волосами. На ней нет ни царапинки. Облегчение от осознания этого отнимает у меня оставшиеся силы, потому что Себастиан был весь в крови.

К горлу подступает тошнота, когда перед моими глазами вспыхивают картинки аварии. Осколки лобового стекла, усыпавшие тротуар. Тело Себастиана. Красная лужица. Вопли Лорен. Слава богу, Донованы уже забрали ее домой. Девчонка кричала не переставая с той самой секунды, как приехала в главную больницу Бэйвью, до тех пор, пока ее не увезли.

— Хартли, — раздается тихий голос Эллы, и я понимаю, что моя сводная сестра тоже заметила ее мертвенную бледность. — Присядь. Ты не очень хорошо выглядишь. Сойер, принеси Хартли воды.

Младший брат молча исчезает. С тех пор как увезли его близнеца, он напоминает зомби.

— Со мной все хорошо! — яростно возражает Хартли, скидывая со своей руки руку Эллы, и, снова пошатнувшись, разворачивается к своему отцу. — Себастиан Ройал пострадал из-за *тебя!*

У Райта отвисает челюсть.

— Да как ты *смеешь* намекать...

— Намекать? — со злостью перебивает его Хартли. — Я не намекаю! Я констатирую факты! Истон не приехал бы к нам домой, не угрожай ты, что отошлешь мою сестренку! А я бы не поехала за ним, не отправься он к тебе!

Мне хочется возразить, что это все моя вина, но я слишком слаб и труслив, чтобы сделать это. Но от правды не скрыться. Я — причина того, что случилось. Авария произошла из-за меня, а не из-за отца Хартли.

Хартли снова пошатывается, и в этот раз Элла не церемонится — хватается Хартли за руку и заставляет ее опуститься на стул.

— Сядь, — приказывает ей моя сводная сестра.

В это же время мой папа и отец Хартли снова схлестываются взглядами. Я еще никогда не видел старика таким взбешенным.

— Сейчас, Ройал, тебе ничем не откупиться.

— Это твоя дочь была за рулем, Райт. Ей повезет, если свой следующий день рождения она не встретит в тюрьме.

— Если кого-то и отправлять в тюрьму, так это твоего сынка. Да всем твоим сыновьям там самое место!

— Не смей мне угрожать, Райт. Я могу сделать так, что мэр приедет сюда через пять минут.

— Мэр? Думаешь, у этого жалкого ничтожества хватит смелости уволить меня? Я выиграл в этом богом забытом округе больше дел, чем любой другой окружной прокурор за всю историю Бэйвью. Жители города спустят с него три шкуры, а ты...

Впервые за эти три часа я решаюсь заговорить.

— Хартли, — хрипло зову я.

Мистер Райт останавливается на середине фразы, резко разворачивается ко мне, глазами метая в меня молнии.

— Не говори с моей дочерью! Слышишь, маленький ублюдок? Не говори ей ни слова!

Я не обращаю на него внимания. Мои глаза прикованы к бледному личику Хартли.

— Прости меня, — шепчу я ей. — Это все моя вина. Авария произошла из-за меня.

Ее глаза расширяются.

— Не говори с ней! — Удивительно, но это проносит мой собственный отец, а не отец Хартли.

— Каллум! — Элла, похоже, изумлена не меньше моего.

— Нет, — грохочет его голос, ройаловские голубые глаза смотрят прямо на меня. — Истон, больше ни единого слова. Речь идет об уголовном преследовании. А он... — папа бросает на Джона Райта такой взгляд, словно тот является носителем вируса Эболы, — ...помощник окружного прокурора. Ни единого слова про аварию, если рядом нет наших юристов.

— Как это типично для Ройалов! — презрительно усмехается Райт. — Вы всегда прикрываете друг друга задницы.

— Твоя дочь врезалась в машину моего сына, — шипит в ответ папа. — Вся вина исключительно на ней.

Хартли тихонько поскуливает. Элла вздыхает и гладит ее по плечу.

— Ты ни в чем не виновата, — говорю я Хартли, ни на кого не обращая внимания. Как будто в этой

комнате нас всего двое. Я и эта девчонка. Первая девчонка, с которой мне хотелось проводить время и при этом не раздеваться. Девчонка, которую я считаю другом. Девчонка, с которой я хотел не просто дружить.

И из-за меня сегодня ей пришлось столкнуться с яростью моего отца. Из-за меня ее мучает чувство вины за аварию, которая не произошла бы, не появившись там я. Мой брат Рид когда-то называл себя Разрушителем, считая, что ломает жизни всех, кого любит.

Но он ошибался. Я единственный, кто все разрушает.

— Не беспокойтесь, мы уже уходим, — рычит Райт.

Я напрягаюсь, когда он сердито шагает к Хартли.

Словно пытаюсь защитить, Элла обнимает ее одной рукой за плечи, но мой папа коротко качает головой.

— Пусть идут, — рявкает он. — Этот отморозок прав, им тут не место.

Паника сковывает мне горло. Я не хочу, чтобы Хартли уходила. Особенно, вместе со своим отцом. Кто знает, что он может с ней сделать, когда они останутся наедине?

Хартли, видимо, считает точно так же, потому что она уклоняется, когда отец пытается схватить ее. Но и руку Эллы она тоже с себя стряхивает.

— Я никуда с тобой не пойду!

— У тебя нет выбора, — отчеканивает он. — Я по-прежнему твой официальный опекун, нравится тебе это или нет.

— *Нем!* — Голос Хартли напоминает раскат грома. — Я никуда не пойду!

Она вдруг поворачивается к моему отцу.

— Послушайте, мой папа...

Но слова повисают в воздухе, потому что Хартли вдруг валится вперед и падает на пол. Звук, который раздаётся, когда ее голова ударяется о плитку, будет жить со мной до самой моей смерти.

К ней, кажется, тянутся сотни рук, но я оказываюсь рядом с ней быстрее всех.

— Хартли! — хватая ее за плечо, ору я. — Хартли!

— Не трогай ее, — рявкает мой отец и пытается отодвинуть меня в сторону.

Я вырываюсь, но отпускаю ее и ложусь на пол рядом с ней.

— Хартли. Харт. Это я. Открой глаза. Это я.

Но ее веки не шевелятся.

— Отойди от нее, подонок! — орет Райт.

— Истон. — Это Элла, и ее голос пронизан ужасом. Она показывает на голову Хартли, где сбоку сочится тоненькая струйка крови.

Меня начинает тошнить, и это не из-за алкоголя, по-прежнему присутствующего в моих венах.

— О боже! — выдыхает Элла. — Она сильно ударила головой!

Я прогоняю страх.

— Все хорошо. Все будет хорошо. — Я поворачиваюсь к папе: — Найди доктора! Она ранена!

Кто-то хватается меня за плечо.

— Я сказал, отойди от моей дочери!

— Сам отойди от нее! — выплевываю я в ответ отцу Хартли.